

«Государственный интерес» и гуманитарная дипломатия Оливера Кромвеля

Л.И. Ивонина

Смоленский государственный университет

Период XVI – первая половина XVII столетия сыграл ключевую роль в становлении международного права, концепций суверенитета и формирования системы государств, которая впоследствии оформилась Вестфальским миром 1648 г. В то время европейские государи начали в своей внешней политике принимать во внимание гуманитарные принципы. Они опирались на политическую мысль своего времени и развивавшееся «право народов», в рамках которого возник дискурс жестокого правительства (тирании). Практику вмешательства с целью защиты преследуемых в другой стране ярко демонстрировала анализируемая в статье поддержка лордом-протектором Английской республики Оливером Кромвелем протестантов-вальденсов в Савойском герцогстве в 1655 г. В отличие от современной точки зрения на этот политический акт, автор статьи не считает, что лорд-протектор отказывался от прочих государственных соображений и ставил под сомнение заключение англо-французского союза против Испании ради прекращения репрессий против вальденсов. Гуманитарная политика Кромвеля имела реалистскую основу. Прекрасно осведомлённый о сложной внутривнутриполитической ситуации во Франции и приоритетах французской внешней политики, Кромвель был уверен, что первый министр кардинал Мазарини не откажется от необходимого Парижу союза с Лондоном из-за поддержки протестантских подданных Савойского герцога. Внешняя политика протектората в Савойе–Пьемонте была одним из наиболее значимых прецедентов применения гуманитарных принципов к международным отношениям. Оливер Кромвель не ущемлял интересов собственной страны. Поддержка преследуемых в Пьемонте, несмотря на финансовые издержки на содержание специальных посольств и флота в Средиземном море, а также создание Фонда помощи вальденсам, напротив, продемонстрировала силу и авторитет Английского государства. Гуманитарная дипломатия и по сей день в подавляющем большинстве случаев тесно взаимосвязана с государственным интересом.

Ключевые слова: гуманитарная дипломатия, Вестфальская система, внешняя политика Кромвеля, савойские вальденсы, англо-французский союз, государственный интерес

Хотя проведение первых гуманитарных интервенций относится к XIX в., а концепция гуманитарной дипломатии оформилась только в начале 2000-х гг. (Close 2015: 1–28; Heraclides, Dialla 2017), обеспечение гуманитарной помощи во время конфликтов и сложных чрезвычайных ситуаций всегда было очень значимым вопросом в политике. XVI – первая половина XVII столетия стали ключевым периодом в становлении международного права, концепций суверенитета и формирования системы государств, которая была оформлена позже Вестфальским миром 1648 г. В то время европейские государи и правительства при реализации внешней политики начали принимать во внимание то, что сегодня принято называть гуманитарными принципами, угрожая вмешательством или применяя силу против политических режимов, в которых жестоко обращались с представителями конфессиональных или этнических меньшинств. Они опирались на политическую мысль своего времени и развивавшееся «право народов», в рамках которого возник дискурс жестокого правительства (тирании). Философы, богословы, юристы, размышляя о том, как христианский мир должен реагировать на «вопиюще тираническое правление», приходили к выводу, что излишняя жестокость государя к своим подданным незаконна, а действия по её прекращению оправданны с точки зрения международного права (Chesterman 2001: 9-10).

Уже со второй половины XVI в. право выступать против тирании стало считаться обязанностью христианских государей. Такой императив был продекларирован, в частности, трактатом «Защита свободы от тиранов» (*Vindiciae contra tyrannos*, далее VCT), впервые опубликованном в кальвинистском швейцарском Базеле в 1579 г. под псевдонимом Стефан Юний Брут (*Stephen Junius Brutus*)¹. Чаще всего авторами трактата исследователи считают двух политических деятелей и учёных-кальвинистов – Филиппа Дюплесси-Морне и Юбера (Губерта) Ланге. VCT – один из самых известных трактатов монархомахов, к которым относятся труды кальвинистов (гугенотов) во Франции и Нидерландах, оправдывавшие войны против католических монархов из династий французских Валуа и испанских Габсбургов, а также сочинения английских и шотландских кальвинистов-теоретиков сопротивления тиранам – Джона Понета, Кристофера Гудмена и Джона Нокса (Gelderen 1992: 269-270; Yardeni 1985: 317; Daussy 2002: 239; Beer 1990: 373-383; Скиннер 2018: 333-338). По сути, эти работы содержали идеологию сопротивления несправедливым монархам и приближались к обоснованию доктрины народного суверенитета.

В эпоху Реформации и религиозных войн в Европе монархомах трактовали тиранию в конфессиональных терминах: папский Рим и католические правительства считались тираническими из-за того, что они преследовали протестантов.

¹ Brutus. 1994. *Vindiciae, contra tyrannos Or, Concerning the Legitimate Power of a Prince over the People, and of the People over a Prince*. Cambridge: Cambridge University Press. P. 1-6.

стантов. К примеру, английский историк протестантской церкви и мартиролог Джон Фокс, автор труда «*Actes and Monuments*», более известного как «Книга мучеников Фокса», считал преследование протестантов тираническим не из-за его жестокости папства и католических государей, а потому, что его жертвами были последователи истинного поклонения Богу («бедное стадо и Церковь Христова»)². Показательно, что во время войны Нидерландов за независимость против Испании правление Габсбургов в Нидерландах изображалось жестоким по целому ряду причин, но голландские памфлетисты особенно выделяли среди них желание Мадрида положить конец религиозному разнообразию (Simms, Trim 2011: 37–40). Стоит отметить, что учение монархомахов вербовало своих сторонников и среди католических публицистов, поскольку укреплявшаяся в раннее Новое время власть государей Европы мешала не только протестантам, потому что подавляла свободу совести, но и католикам, потому что подрывала идею авторитета папы. Да и доктрина тираноубийства считается чисто католической (Кондратенко 2015: 56–67).

К середине XVII в. исследователи отмечают сдвиг в религиозной полемике от мартирологии к гуманизму. Ассоциация жестокости государства в отношении религиозных меньшинств с тиранией составила важный прецедент в международной политике. Оправдание действий против тирании в «человеческих» терминах способствовало расширению концептуального круга понятий того, что было «тираническим» (Simms, Trim 2011: 40). В этом плане особенно значимы взгляды, изложенные в 1625 г. Гуго Гроцием в трактате *De jure belli ac pacis* («О праве войны и мира»). Высоко оценивая право суверенитета, мыслитель подчёркивал, что, хотя правители имеют законное основание регламентировать жизнь своих подданных, некоторые злоупотребления властью настолько незаконны, что могут стать основанием для силового вмешательства соседних суверенов. Подданные не имеют права выступить против своего государя, но Гроций, как и его предшественники, допускал, что другой государь или суверенное правительство может взяться за оружие от их имени, в «защиту невинных». Ибо «государи, помимо особой заботы о своём государстве, также обременены общей ответственностью за человеческое общество»³. Вслед за Гроцием немецкий юрист-международник и учёный Самуэль фон Пуфендорф высказал мнение, что любой «может справедливо помочь любой жертве угнетения, которая просит о помощи». Приходить на помощь угнетённым есть не только право, но и обязанность, хотя и «несовершенная», как в случае договора (Nardin 2003: 16–17).

² Foxe J. 1741. *Actes and monuments*. London. Available at: https://lollardsociety.org/pdfs/Acts_and_Monuments_vol1.pdf (accessed 21.02.2023).

³ Grotius H. 1853, 2009. *Grotius on the rights of war and peace, an abridged translation*. Whewell W., ed. and trans. Cambridge: John W. Parker. Reprint edition: The Lawbook Exchange, Ltd. P. 288.

В целом, предложенные мыслителями и теоретиками международного права принципы стали основой политики ряда правительств раннего Нового времени. Практику вмешательства с целью защиты преследуемых в другой стране ярко демонстрировало выступление лорда-протектора Английской республики Оливера Кромвеля в защиту протестантов-вальденсов в Савойском герцогстве.

В небольших пассажах в общих работах, посвящённых истории внешней политики Англии XVII в. и истории савойских протестантов, а также в немногочисленных специальных исследованиях дипломатия Кромвеля по отношению к вальденсам рассматривается преимущественно с позиций протестантского интереса и концепции интернационального кальвинизма (Firth 1953; Korr 1975; Venning 1995; Fraser 1997; Hainsworth 1997). Первой примечательной в этом плане работой стала опубликованная ещё в 1895 г. лекция У. Уиллиса, изложенная в духе мартирологии XVI–XVII вв. (Willis 1895). Сравнительно небольшое число современных исследований проблемы, возможно, обусловлено сложностью интерпретации причин и результатов поддержки Англией преследуемых вальденсов, которая рассматривается и как один из просчётов Кромвеля (Pincus 1996; Battick 2014). Кроме того, в XXI в. английская дипломатия в Савоие объясняется в литературе уже не только с позиций протестантского интереса, но и в контексте первых прецедентов гуманитарной дипломатии. Однако, как видно, например, из солидной работы Б. Симмса и Д. Трима «Гуманитарная интервенция: история» (Simms, Trim 2011), она сводится преимущественно к состраданию со стороны лорда-протектора и его сторонников к гонимым вальденсам и предстаёт невыгодной для внешней политики Британии в целом.

Так ли это было на самом деле? Предпринимал ли лорд-протектор не идущие на пользу государству активные политические шаги в Савоие-Пьемонте? Какие мотивы им руководили, и чём его дипломатия отличалась от вмешательств в дела других государств, предпринимавшихся Англией ранее? С позиций системного и нормативно-ценностного подходов, а также метода ивент-анализа в данной статье предпринята попытка проанализировать и показать характер дипломатии Оливера Кромвеля по отношению к вальденсам Савойи в середине 50-х гг. XVII в. Системный подход позволяет определить место и роль Англии в трансформации системы международных отношений исследуемого периода и выявить детерминанты, влиявшие на политику Кромвеля и европейских государств. С помощью нормативно-ценностного подхода выясняется значение идейной борьбы эпохи и событий в Савоие для европейского общества и лично Кромвеля. Метод ивент-анализа (анализа событий) помогает проследить их динамику в Европе с целью определения их значимости во внешней политике Англии и выявления основных тенденций развития политической ситуации.

Савойские вальденсы и «Кровавая Пасха»

В идеологии вальденсов прослеживаются отголоски средневекового еретического движения, последователи которого расселились в отдалённых альпийских горных долинах на территории современных юго-восточной Франции и северо-западной Италии. В XVI в. большинство их проживало в небольшом региональном княжестве, которым управляли герцоги Савойские. Это герцогство, охватывающее части современной Италии, Франции и Швейцарии, включало регион Пьемонт, по имени которого его иногда называли. Постепенно вальденсы переняли доктрину кальвинистской ветви Реформации и тесно общались со швейцарской, гугенотской, голландской, шотландской реформатскими церквями и пуританской общиной в Англии. Вальденсов жестоко преследовали: так, в 1545 г. во французском Дофинэ было убито несколько тысяч последователей этого учения (Cameron 1984: 201). Герцоги Савойские были убеждёнными католиками, но как правители небольшого государства, которое лавировало между воюющими соседями ради сохранения своей независимости, редко проводили внутренние кампании против инакомыслящих.

В 1649 и 1653 гг. герцог Карло Эммануэле II подтвердил Соглашение в Подио 1561 г., даровавшее свободу вероисповедания вальденсам, проживающим в строго определённых горных долинах⁴. Однако за прошедшее с того времени столетие структура расселения в Пьемонте изменилась. Вальденсы процветали, строили церкви и школы и переселялись на нижние равнины. 25 января 1655 г. протестантам, проживавшим за пределами долин, обозначенных в 1561 г., под страхом смерти и конфискации имущества было приказано переселиться обратно или обратиться в католическую веру. Весной 1655 г. большая армия французских солдат находилась в долине Сузы, готовясь атаковать испанцев в Ломбардии. Турин решил позаимствовать у французов несколько полков, чтобы пополнить свои небольшие силы и покончить с вальденсами. 14 апреля 1655 г. на холме Кастеллуццо началась резня, продолжавшаяся несколько дней, во время которой по разным оценкам 1700–3000 вальденсов были убиты. Это событие получило название «Кровавая Пасха». Тысячи людей были изгнаны из своих домов, многие сожжены на костре. Около 1 400 беженцев погибли во время бегства в Швейцарскую конфедерацию, преодолевая в суровую погоду Альпы. Общее количество погибших составило примерно 4 000 человек (Barbro 1994: 30-31; Stephens 1998: 175)⁵.

⁴ Stoppa G. 1655. *A collection of the several papers . . . concerning The Bloody and Barbarous Massacres, Murthers, and other Cruelties, committed . . . in the Vallies of Piedmont*. London. P. 12–13.

⁵ Ibid. P. 5, 34; 1655. *The barbarous & inhumane proceedings against the professors of the reformed religion*. London. P. 3, 5.

События в Пьемонте получили широкий резонанс. Духовный глава вальденсов пастор Жан (Джованни) Леже отправился в Париж, откуда отправил монархам, политическим и религиозным лидерам Европы письменные обращения с просьбой поддержать вальденсов. Новости о «кровавой резне» и «ужасных и варварских жестокостях» стали «настолько широко известны..., что их невозможно было скрыть или отрицать», – писал видный английский публицист, дипломат, шпион и учёный-изобретатель Сэмюэл Морлэнд, оставивший подробное и эмоциональное повествование об этих злодеяниях⁶.

Савойский дом занял оборонительную позицию как на идеологическом, так и на дипломатическом фронтах, но безрезультатно. В немалой степени бедственное положение протестантов Пьемонта стало одним из главных событий XVII в. благодаря потоку газетных статей, трактатов, памфлетов и специальных отчётов, которые широко распространялись в Европе. Многие из этих публикаций основывались на светских аргументах в защиту вальденсов. Например, в Нидерландах вскоре после случившегося вышли два памфлета на французском языке: «*Récit véritable de ce qui est arrivé depuis peu aux vallées de Piémont*» («Правдивая история о том, что недавно произошло в долинах Пьемонта») и «*Relation véritable de ce qui s'est passé dans les persécutions et massacres faits cette année aux Eglises réformées de Piémont*» («Правдивое повествование о преследованиях и резне, совершённых в этом году против реформатских церквей в Пьемонте») (de Boer 2021: 96). Во-первых, с опорой на подробное описание исторических прав и привилегий, которые нарушил герцог Савойский, в них утверждалось, что вальденсы не нарушали закон, и, следовательно, их преследовали, а не наказывали. Во-вторых, памфлеты отводили много страниц описанию бесчеловечных актов насилия, выпавших на долю вальденсов (de Boer 2021: 97). Даже савойские памфлетисты признавали, что армия герцога «совершила некоторые жестокости»⁷.

Истории о зверствах содержали немало преувеличений – для сравнения к ним были добавлены некоторые вымышленные исторические примеры жестоких расправ (Tourn 1980: 125) – в большинстве случаев это было правдой. Очевидцы оставили свидетельства о сексуальном насилии, детоубийствах и самоубийствах, каннибализме, о бежавших через горы замерзших насмерть матерях с младенцами, а также о том, что многих вальденсов бросали в пропасть или сжигали заживо на костре⁸. Джон Мильтон, «латинский секретарь» и консультант Кромвеля по международным делам, более известный как поэт, запечатлел своё страстное неприятие резни и призыв к божественному правосудию в сонете, который до сих пор необычайно волнует. Это произведение стало широко известным на континенте:

⁶ Morland S. 1658. *The History of The Evangelical Churches Of the Valleys of Piemont*. London. P. 386, 548.

⁷ 1655. *A short and faithfull Account of the late Commotions in the Valleys of Piedmont*. London. P. 4.

⁸ Ibid. P. 333.

Воззри, Господь, на кровь Твоих святых,
Лежащих подо льдом снегов альпийских гор,
Их верность Слову Твоему сочли за сор,
Те, кто не знал Тебя, и чтит богов иных.
Их каждый стон запечатлённым стал
В их книге жизни. Верные Тебе
Убиты в жуткой Пьемонтской резне,
И мать с младенцем сброшены со скал.
Их крики слышали в горах, на небесах.
Они ушли, но пепел, кровь их здесь,
На всей Италии, на разных полюсах.
И власть, что разжигает в людях месть,
Тираны всех мастей должны узнать
Путь Вавилона, чтобы им не стать (Svendsen 1965: 70–72)⁹.

«Кровавую Пасху» некоторые исследователи рассматривают как один из первых примеров этнической чистки. Учитывая число погибших, утверждения о том, что Пьемонт был свидетелем геноцида, сильно преувеличены. Вместе с тем, тогда как людские потери были небольшими в абсолютном выражении, они были значительными в пропорции (вальденсов в Савойе насчитывалось немногим более 23 000 человек) (Tourn 1980: 124; Hainsworth 1997: 204).

Как бы то ни было, современникам казалось, что вальденсы сломлены и будут истреблены. Европейские протестанты негодовали. Швейцарские кальвинистские кантоны немедленно выразили протест против массовых убийств и отправили чрезвычайную миссию к Карло Эммануэле II. Хотя заступничество швейцарцев Турин проигнорировал, Женева не была готова предпринять более серьёзные шаги. «Это дело, по всей вероятности, заснуло бы и прекратилось, если бы его не пробудил... в самой живой и энергичной манере... лорд-протектор Англии», – резюмировал Морлэнд, отразивший в своём сочинении детали переговоров швейцарцев с герцогом, – «результаты его милосердия и христианского сострадания ничуть не уступали... его искренним и патетическим выражениям»¹⁰.

Диалектика жестокости и терпимости

На первый взгляд, образ Кромвеля сложно совместить с гуманитарной дипломатией. Широко известна жестокость главы Английской республики в Ирландии во время Войны трёх королевств 1649–1653 гг., ставшая реакцией

⁹ Русский перевод: Джон Мильтон. Сонет 18. О резне в Пьемонте... Available at: <https://stihi.ru/2014/04/03/2835> (accessed 21.02.2023).

¹⁰ Morland S. *Evangelical Churches*. P. 540–552.

на Ирландское восстание 1641 г., активизацию роялистов и основание католической Конфедеративной Ирландии. До конца 1649 г. Кромвель проводил безжалостное усмирение Ирландии, из-за которого заслужил среди ирландцев стойкую репутацию кровавого палача. По воспоминаниям одного католического епископа, «Кромвель пришёл и, как молния, пронёсся по земле» (Brady, Ohlmeyer 2005: 1). Например, после взятия штурмом Дрохеды, города к северу от Дублина, английские солдаты предали смерти католических священников: одних растерзали прямо в церквях, других, согнав несколько человек в один храм, сожгли заживо. Глава гарнизона Дрохеды Артур Астон был забит до смерти его собственной деревянной ногой (Fraser 1997: 326).

Вместе с тем вопрос о влиянии на эти бесчеловечные действия самого Кромвеля, возглавлявшего завоевание лишь в первый год, остаётся дискуссионным. Такая точка зрения подкрепляется утверждением, что беспощадность была обыкновенной для войн XVII в. (Reilly 1999; McKeiver 2007; Акройд 2021), стоит вспомнить только что завершившуюся Тридцатилетнюю войну (1618–1648), которая и сегодня рассматривается в коллективной памяти Европы как трагедия (Ивонин, Ивонина 2015). В любом случае, жестокость Кромвеля в Ирландии была обусловлена выступлением против государства, которое он только что основал.

В то же время в других регионах Британских островов глава Английской республики терпимо относился к квакерам, антитринитариям и даже католикам. Так, в годы Индепендентской республики (1649–1653) в целях политической стабилизации в стране он отменил репрессии против английских католиков. 18 февраля 1649 г. испанский посол дон Алонзо де Карденья в своём письме в Мадрид отмечал, что «В число законов, которые предполагается отменить, войдут законы против католиков... Уже сейчас... они могут свободно жить в столице и по всей стране..., хотя в этом можно видеть хитрость этих людей (индепендентов – Л.И.), ...в намерении привлечь к себе католиков, смягчив строгости, которым подвергались они со стороны пресвитериан» (Гизо 1996: 482).

Кроме того, Кромвель благосклонно относился к реадмиссии евреев в Англию. Несмотря на то, что общественное мнение англичан по поводу еврейского вопроса было противоречивым, лорд-протектор, по словам тосканского посла Франческо Салветти, «потворствовал религиозным учениям евреев в частном порядке, как они это делают в настоящее время» (Katz 1994: 132-134; Ивонина 2020: 132-139). Его позиция соответствовала духу ряда положений Правительственного акта от декабря 1653 г., распространявшего религиозную терпимость на мирные протестантские секты. Главной целью Кромвеля было «не принуждение (в религии), но свет и разум», установление свободной структуры церковного управления, внутри которого каждый сможет найти Бога для себя¹¹.

¹¹ Abbott W.C. (Ed.). 1937. *Writings and Speeches of Oliver Cromwell*. Vol. 1. Cambridge, Mass.: Harvard UP. P. 416.

Во время Протектората как теологические соображения, так и экономические преимущества преодолели распространённую в обществе враждебность к реадмиссии евреев.

Как видно, отношение Кромвеля к инакомыслящим и единоверцам логично укладывалось в многовекторную схему внутренней и внешней политики, определяемой государственным интересом. Позиция Лондона в связи с событиями в Пьемонте расширила представления о способах реализации международной политики.

Реакция Лондона на резню в Пьемонте

Современники отмечали, что никакое событие так не потрясло Кромвеля, как «Кровавая Пасха». 17 мая Государственный совет Английской республики обсудил события в Пьемонте и по предложению лорда-протектора провозгласил 30 мая днём общегосударственного поста в знак солидарности с «бедными жителями долин». Кромвель публично призвал оказать денежную помощь разорённым общинам вальденсов, и первым показал пример, пожертвовав 2 000 ф. ст. из собственных средств. В начале июля сумма пожертвований уже составила 15 000 ф. ст., которые должен был доставить в Пьемонт дипломат и глава разведывательной сети сэр Джордж Даунинг. Это был щедрый акт на фоне нестабильной внутривнутриполитической ситуации в Англии (весной 1655 г. было подавлено крупное роялистское восстание) и восстановления собственности от разрушений гражданской войны. Даунинг через своих агентов перехватил и успешно пресекал распространявшиеся в Европе роялистами слухи о том, что собранные средства на самом деле предназначались для оплаты швейцарских наёмников, прибывших в Англию в качестве телохранителей Кромвеля, который не мог доверять своей армии (Firth 1953: 371; Bresse 2012: 217-218).

Параллельно Лондон предпринял активные дипломатические действия, призвав протестантские правительства Дании, Швеции и Соединённых Провинций выступить против свершившегося беззакония. 23 мая в Турин «чрезвычайным комиссаром» был направлен уже упоминавшийся Морлэнд, чтобы предъявить официальное письмо протеста герцогу Савойскому и лично «умолять его отозвать» его «беспощадные» указы. По пути англичанин был уполномочен вручить письма Кромвеля французскому королю Людовику XIV и его первому министру кардиналу Джулио Мазарини, поскольку Франция имела значительное влияние на своего небольшого соседа, своего традиционного союзника. Кроме того, лорд-протектор и его советники были осведомлены, что Карло-Эммануэле нанял несколько французских полков в свою армию, наступавшую на вальденсов (Venning 1995: 97).

В письме Людовику говорилось: «Мы не сомневаемся, что Ваше Величество имеет такой... авторитет у герцога Савойского, что благодаря Вашему заступничеству и проявлению Вашей доброй воли можно очень легко добиться мира для

этих бедных людей и возвращения в их родные долины к их прежней свободе. Это будет поступком, достойным Вашего Величества и отвечающим благородству и примеру Ваших самых ярких предшественников; и не только укрепит умы Ваших подданных в том, что им не нужно бояться подобных злодеяний в будущем, но также приведёт Ваших конфедератов и союзников, исповедующих ту же религию, к гораздо большему уважению и привязанности к Вашему Величеству. Что же касается нас, то... благосклонность к чужим подданным будет... более приемлемой и ценной, чем любая другая выгода, (в том числе) и выгода..., которая будет достигнута в результате дружбы с Вашим Величеством»¹².

В послании к Мазарини Кромвель выражал надежду, что первый министр воспользуется своим влиянием, чтобы заступиться за вальденсов и таким образом «заложить основы более крепкого союза между Республикой и королевством Франция»¹³. На личных аудиенциях с кардиналом Морлэнд дал ясно понять, что договор с Францией не будет подписан до тех пор, пока не прекратится преследование вальденсов. Он также намекнул, что если позиция Англии по данному вопросу не будет удовлетворена, британский флот, находившийся тогда в Средиземном море, будет препятствовать французской морской торговле. В ходе внутренних обсуждений вопроса французские министры не исключали того, что Протекторат может нанять наёмников в протестантских кантонах Швейцарии или даже поднять восстание гугенотов на юге Франции (Gardiner 1965: 189-190). Тем временем секретарь Государственного совета Джон Терло сообщил французскому послу в Лондоне, что договор об англо-французском союзе «не будет подписан до тех пор, пока герцог Савойский не придёт к соглашению» (Venning 1995: 97).

По прибытии в Турин Морлэнд незамедлительно представил Карло Эмануэле протест Кромвеля против его жестокой политики в отношении вальденсов. В этом документе не содержалось явной угрозы, но личные заявления английского дипломата, скорее всего, были более резкими, нежели в Париже (Tourn 1980: 125; Hainsworth 1997: 204-205). Возможные действия английского флота под командованием Роберта Блейка в Средиземном море внушали серьёзные опасения. Кромвель уже отдал приказ этому грозному «морскому волку» использовать свои корабли для пресечения савойской торговли и быть готовым к обстрелу Ниццы или Вилья-Франка (Вильфранш-сюр-Мер) в случае, если дипломатия Лондона в Турине не приведёт к положительному результату (Ashley 1958: 320-321). Следовало принять во внимание и то, что уцелевшие вальденсы бежали в долину Чисоне на французской территории, где организовали центр сопротивления и народное ополчение из 2 000 человек во главе с Джошуа Джанавелло. Вспыхнула партизанская война. Чтобы поддержать опол-

¹² Abbott W.C. (Ed.). 1945. *Writings and Speeches of Oliver Cromwell*. Vol. 3. Cambridge, Mass.: Harvard UP. P. 727.

¹³ Ibid. P. 728.

чение вальденсов, на юге Франции был организован «интернациональный» отряд из 500 добровольцев, в основном гугенотов. В этих условиях Савойский герцог начал активные консультации с французским правительством.

В начале июня 1655 г. Людовик XIV официально уведомил Кромвеля, что Франция будет призывать герцога Савойского согласиться с требованиями Англии (Korr 1975: 148–149). 25 июня французский министр в Нидерландах Шоню писал своему коллеге Бордо в Лондон: «По моему мнению, когда закончатся всякие претензии, чтобы задержать вас дальше, тогда они [англичане – Л.И.] решат подписать ваш договор, о чём мы надеемся услышать следующей почтой... Дело Савойи произвело на нас такое впечатление, что, несмотря на кажущееся урегулирование, оно не в состоянии успокоить умы людей»¹⁴. В июле 1655 г. голландский посол в Париже докладывал в Гаагу: «Договор между Францией и Англией пока не подписан. Лорд-протектор откладывает это до тех пор, пока не получит от Савойского двора известий о восстановлении прав вальденсов в Пьемонте»¹⁵. А в сентябре того же года Мазарини написал французскому послу в Лондоне, что «если подписание договора действительно зависело от уступок вальденсам, то оно должно состояться сейчас, ибо эти уступки предоставлены»¹⁶.

Под давлением Англии, поддерживаемой Францией, Савойский двор был вынужден прекратить репрессивную политику по отношению к вальденсам и начать с ними переговоры. Заключённый 18 августа 1655 г. при посредничестве Франции и Нидерландов Пинерольский договор (*Letters of Pardon*) положил конец массовым убийствам и предоставил вальденсам право вернуться в свои долины. Английская республика и Швейцарская Федерация стали его согарантами. Кромвель «был провозглашён спасителем вальденсов» в Англии, в Европе и самими вальденсами (Tourn 1980: 126–128; Gardiner 1965: 190–193).

Между тем лорд-протектор считал этот договор несовершенным и недолговечным, понимая, что недостаточно просто остановить массовые убийства: необходимо ввести меры, которые предотвратят их повторение. По его мнению, общины, разрушенные во время резни, савойское правительство обязано восстановить, а ущерб, «причинённый войной, грабежами, поджогами и т. д.», – возместить¹⁷. Кромвель оказался прав, поскольку вальденсов ещё не раз жестоко преследовали. «Кровавая Пасха» 1655 г. была только началом серии савойско-вальденских войн (1655–1690), в ходе которых вальденсы использовали тактику партизанской войны против военных кампаний савойских герцогов,

¹⁴ Birch Th. (Ed.). 1742. *A Collection of the State Papers of John Thurloe, Esq.* Vol. III. London: Fletcher Gyles. P. 365.

¹⁵ *SP Thurloe*. Vol. III. P. 619.

¹⁶ *Ibid.* P. 743.

¹⁷ Morland S. 1658. *An Extract, or Abbreviate of the Accompt. A distinct and faithful accompt of all the receipts... For the relief of the distressed Protestants... of Piedmont.* London: for the Council of State. P. 97–111.

стремившихся обратить в католицизм всё население. Только в феврале 1848 г. король Сардинии Карло Альберто даровал вальденсам религиозную свободу и гражданские права. Но в 1655 г. главное заключалось в том, что благодаря заступничеству из-за границы резня была остановлена, а широкую дипломатическую и экономическую поддержку, оказанную Англией вальденсам, по сути, можно считать первым прецедентом гуманитарной политики будущего.

Здесь важно подчеркнуть следующее. Казалось бы, дипломатические действия и возможная военная помощь со стороны Кромвеля вальденсам принципиально не отличалась от традиционной английской политики защиты европейских протестантов. Так, Елизавета I Тюдор оказывала дипломатическую и военную поддержку восставшим Нидерландам, а Карл I Стюарт – французским гугенотам во время Тридцатилетней войны (ярким эпизодом в этом плане была осада Ла-Рошели 1627–1628 гг.). Но и Елизавета, и Карл, оперируя лозунгами помощи «братьям по вере»¹⁸, в первую очередь преследовали цели, довольно далекие от гуманитарных. Елизавета, сделав в 1585 г. графа Лестера статхаудером, вообще думала подчинить Нидерланды, а Карл, помимо намерения разрешить при помощи войны с Францией ряд внешнеполитических, экономических и даже личных проблем, поддержкой гугенотов также рассчитывал успокоить активизировавшуюся в годы Тридцатилетней войны пуританскую оппозицию короне. По большому счёту оба монарха были не против превращения Нидерландов (Елизавета) и гугенотских областей (Карл) в постоянный очаг напряжённости, который не позволял бы в первом случае Испании, а во втором – Франции предпринимать какие-либо серьёзные действия против них. Кроме того, они не создавали специальных фондов помощи – напротив, в 1582 г. английская корона взяла кредит у голландских банкиров на сумму 1 млн фунтов стерлингов (Adams 2002: 235–253; Reeve 1979: 9–57, 226–274; Cogswell 1986: 1–21).

Не сбрасывая со счетов рациональную основу политики Кромвеля в Савойе-Пьемонте, о чём пойдёт речь ниже, стоит подчеркнуть характеризующие переход к гуманизму светские (морально-правовые) акценты не только в печати и во время дипломатических контактов, но и в выражении лордом-протектором личных чувств. Во время описываемых событий Кромвель говорил иностранным послам, что сочувствует бедным пьемонтцам, словно близким родственникам. Даже незадолго до смерти в 1658 г. он беспокоился не только о будущем Английской республики, но и о вальденсах, не раз замечая: «Пьемонт всегда в моих мыслях», «Как они [герцоги Савойи – Л.И.] поступят впредь с несчастными жителями Пьемонта!» (Venning 1995: 100)¹⁹. Значимо и то,

¹⁸ Например, в письме к герцогу Бекингеу от 13 августа 1627 г. Карл I отмечал: «Я желаю, чтобы причиной, побудившей нас взяться за оружие, была объявлена защита веры». Petrie Ch. (Ed.). 1968. *The letters of King Charles I*. London. P. 54.

¹⁹ Henderson Fr. (Ed.). 2005. *The Clarke Papers; further selections from the papers of William Clarke, Secretary to the Council of the Army, 1647–1649, and to General Monck and the Commanders of the Army in Scotland, 1651–1660*. Cambridge: Cambridge University Press for the Royal Historical Society. P. 272.

что финансовая помощь вальденсам не была единовременной, а поступала вплоть до Реставрации Стюартов в 1660 г. Был основан специальный фонд Пьемонта, осуществлявший, кроме того, выплаты 320 ф.ст. ежегодно восьми постоянным английским резидентам на территории Савойи. Общая сумма пожертвований составила более 38 000 ф.ст. По сути, Кромвель оказывал помощь вальденсам не только потому, что они были единоверцами, но и потому, что был искренне возмущён действиями правительства герцога Савойского, нарушившего «честные принципы человеческой политики» (Bresse 2012: 219). На этом основании его действия в защиту вальденсов в 1655 г. могут рассматриваться как гуманитарное вмешательство.

Более того, гуманитарная политика Кромвеля не ограничивалась одним Пьемонтом, распространяясь и на протестантов католических швейцарских кантонов, и на поляков-протестантов – жертв репрессий во время Шведского потопа (1655–1660) в ходе успешного вторжения шведов на территорию Речи Посполитой. Так, когда в конце 1655 г. в католических кантонах Швейцарии была предпринята попытка изгнать протестантов, Кромвель через своего посла в Женеве Джона Пелла призвал протестантские кантоны к единству. А в декабре 1657 г. его Совет заслушал доклад комитета Фонда Пьемонта и одобрил выделение части средств Фонда для поляков. В марте 1658 г. к бенефициариям были добавлены ещё двадцать семей из Богемии – жертвы иезуитов во владениях Габсбургов. Сумма гуманитарных выплат составляла 10 685 ф. ст. ежегодно (Venning 1995: 100–101).

Размышления о мотивах и результатах дипломатии Кромвеля в Савойе

Согласно точке зрения авторов «Гуманитарной интервенции», Кромвель поставил цели своего правительства в далеком Пьемонте явно выше более важных для Англии дипломатических переговоров с Францией. Ведь англо-французский союз был исключительно значимым для войны против Испании, которую глава Английской республики планировал, по крайней мере, с 1654 г., а переговоры с Францией перманентно велись с 1652 г. Готовность лорда-протектора в 1655 г. отдать приоритет внешней политики протестантам Пьемонта вместо союза с Францией свидетельствует о первостепенной роли протестантского интереса. Геополитических или стратегических выгод для Англии, которые можно получить от интервенции в Савойе, по мнению исследователя, не было, она могла только навредить. Отправка флота Блейка для действий у побережья Савойи только отвлекала от главной внешнеполитической стратегии лорда-протектора. Да и вальденсы вряд ли стали бы полезными союзниками в любой новой религиозной войне, тогда как Савойя, как хорошо знали английские государственные деятели на протяжении XVII в., нередко враждебно относилась к испанским Габсбургам. С чисто политической точки зрения было бы лучше не обращать внимания на гибель и вынужденную миграцию небольшого

числа протестантов, чем рисковать потерять союз с Францией и ещё одного потенциального стратегически важного союзника: ведь именно через Савойю испанские армии из владений Габсбургов в северной Италии могли вторгнуться во Францию. Отказ Кромвеля от всех других государственных соображений, чтобы помочь вальденсам-единоверцам, вряд ли служит примером реалистической политики (Simms, Trim 2011: 62–63).

Приведённые положения, на первый взгляд логичные и доказательные, представляются нам дискуссионными. Безусловно, нет никаких сомнений в том, что неизменным лейтмотивом внешней политики как Кромвеля, так и ряда его советников стал протестантский интерес. «Великой целью» лорда-протектора как главы Английского государства было продвижение «общих чаяний народа Божьего во всём христианском мире...»²⁰. В 1656 г. лорд-протектор убеждал Второй парламент Протектората, что Англия должна «по-братски разделять интересы всех христиан-протестантов», ибо «тот, кто наносит удар хотя бы по одному роду..., бьёт всех»²¹. Протестантский интерес в его глазах означал интерес государственный, что характерно для эпохи «конфессионального столетия» и противостояния конфессионально-политических союзов (вторая половина XVI – первая половина XVII вв.). Хотя современный автор теории конфессионализации немецкий учёный Х. Шиллинг и завершает этот период окончанием Тридцатилетней войны (1618–1648) (Schilling 2007: 347–367, 385–395, 588–599), в реальности его эхо ощущалось ещё достаточно долго.

Вместе с тем политику лорда-протектора в отношении вальденсов не стоит рассматривать как невыгодную для Английской республики. Конечно, в идеале он видел Европу в конфессиональных красках и мечтал воплотить ставшую анахронической после Тридцатилетней войны идею панпротестантского союза против Габсбургов в Центральной и Западной Европе, исключая из союзников только Республику Соединённых провинций как своего экономического конкурента. Но, руководствуясь убеждением, что он выступает «божественным орудием в создании нового и светлого будущего» (Scott 2000: 159), пуританин Кромвель на деле был реалистом и прагматиком. Его дипломатия представляла собой единство политики защиты европейского протестантизма с «Западным проектом» (Western Design) завоеваний в Вест-Индии и одновременно выгодным для Англии взаимодействием с католическими государствами (Venning 1995: II). Рассматривая обширную Испанскую империю как главную угрозу, Кромвель стремился к созданию сильной коалиции для ведения наступательной войны против испанской монархии, чтобы ослабить её экономическую мощь и стратегическое положение, лишив ключевых территориальных активов. Стратегия защиты государства заключалась в проведении военных операций против Ис-

²⁰ Morland S. *Evangelical...* P. 552.

²¹ *The Writings and Speeches of Oliver Cromwell*. Vol. III. P. 52.

пании как с союзниками в Нидерландах, так и в одностороннем порядке в Вест-Индии. Союз с Францией помимо стратегических и экономических выгод на континенте и в Атлантике давал политические и моральные преимущества против пребывавшего на континенте в изгнании английского короля Карла II Стюарта и роялистов, которых Париж уже не смог бы официально поддерживать. Могла ли повлиять на заключение этого союза помощь вальденсам?

В нашем случае не менее, если не более, чем политические соображения Кромвеля, значима позиция французского правительства. Кардинал Мазарини ясно выразил её в записке «Об Английской республике» (январь 1651 г.): «... никогда не надо делать то, что противно правилам благоразумия... какие бы мы ни совершали теперь демонстрации в пользу английского короля, они не восстановят его престола, а дальнейший отказ принять республику, на деле пользующуюся верховной властью, нисколько не послужит к утверждению прав короля... Настоящее положение дел во Франции не позволяет дать ему никакой помощи... Франция, ведя большую войну и волнуемая внутри различными партиями, может подвергнуться крайней опасности, если англичане соединятся с одной из этих партий...» (Гизо 1996: 495-496).

Мазарини желал союза с Англией, чтобы получить военную и дипломатическую поддержку в многолетней и изнуряющей войне с испанскими Габсбургами (1635–1659). Он учитывал и то обстоятельство, что Кромвель поддерживал активные связи с лидером Фронды принцев (1650–1653) Луи де Конде. Даже в 1653 г., уже после того, как знаменитый полководец Великий Конде со своими сторонниками перешёл на сторону Испании и принял командование над одной из испанских армий в Нидерландах, глава Английской республики продолжал оказывать помощь проигравшим фрондёрам, желая использовать продолжавшуюся франко-испанскую войну к своей выгоде. Он принимал послов принца, изучал карты, посылал своих агентов Иоахима Хейна и Жана-Батиста Ступе на континент оценить шансы на успех в международной политике, если он прислушается к призывам Конде и его испанских сторонников (Saulnier 2002: 249-250)²².

Париж беспокоила и активизация в связи с событиями в Пьемонте французских кальвинистов - гугенотов. В целом Мазарини продолжал политику своего предшественника кардинала Ришелье по защите религиозной свободы гугенотов до тех пор, пока на него не стала оказывать сильное давление католическая церковь. Так, Королевская декларация 1652 г. торжественно подтверждала Нантский эдикт 1598 г., восхваляя гугенотов за их верность монархии во время Фронды (1648–1653). Но после того, как в 1655 г. собрание католического духовенства потребовало отмены этой декларации, разрушения кальвинистских храмов и ограничения доступа к религиозным службам, учитывая внутри-

²² Michaud L.-G. (Ed.). 1820. *Louis Joseph de Bourbon Conde (prince de), Charles Louis de Sevelinges. Mémoires pour servir à l'Histoire de la Maison Condé*. T. I. Paris. P. 236–237.

и внешнеполитические потребности государства, кардинал согласился на религиозный компромисс. Декларация 1656 г., более ограничительная для гугенотов, чем предшествующий документ, разрешала кальвинистское вероисповедание и созыв Синода реформатских церквей в Лундуне в 1659 г. Кромвель учитывал гугенотский фактор давления на французское правительство, что прослеживается в его корреспонденции (Korr 1975: 150-156; Smith 2014).

Уместно учитывать и фактор дипломатической конкуренции: ещё во время Англо-голландской войны (1652–1654) между Францией и Испанией разгорелась борьба за расположение Англии. Так, дон Алонзо де Карденья побуждал Мадрид вступить в союз с Лондоном и Гаагой с целью прекращения нападения английских каперов на испанские суда в Атлантике и получения помощи в войне против Франции. В 1652 г. он отправил в испанскую столицу проект договора из 24 пунктов о мире и союзе между Англией и Испанией, а также представил его Государственному совету Английской республики²³. В то же самое время французский посол де Баас имел три аудиенции у Кромвеля, а Людовик XIV стал именовать главу Английской республики в письмах «Монсеньор мой кузен»²⁴. Усилившийся после завершения Фронды антагонизм между Испанией и Францией позволял Кромвелю существенно повысить международный авторитет Англии и рассчитывать на уступки.

Поддержку Кромвелем савойских вальденсов в определённом смысле можно рассматривать и как своеобразную компенсацию за военное унижение англичан в Вест-Индии. Как раз в апреле 1655 г. экспедиционные силы в составе 30 кораблей и 3 000 солдат под командованием Уильяма Пенна (отца основателя штата Пенсильвания) и полковника Роберта Венеблеса потерпели поражение при Сан-Доминго на острове Эспаньола – одной из важнейших колоний Испанской Америки. Отступившие англичане высадились на острове Ямайка, который испанцы считали малопригодным для колонизации, и захватили местный форт с небольшим гарнизоном. Лорд-протектор считал экспедицию крупнейшим провалом своего «Западного проекта»²⁵. По возвращении в Англию Пенн и Венеблес были заключены в Тауэр. По замечанию Б. Коварда, тогда «было непредсказуемо, что Ямайка в XVIII в. станет производящей сахар колонией и одной из главных жемчужин в Британской императорской короне, и этот захват не сделал ничего, чтобы смягчить гнев и унижение, которое испытывали в Англии, узнав о провале экспедиции» (Ковард 1997: 77-78).

Примечательно, что когда в мае 1655 г. Мадрид, всё ещё надеясь на урегулирование конфликта в Вест-Индии и союз с Кромвелем против Франции, отправил в помощь Карденье чрезвычайного посла маркиза Леду, Мазарини серьёз-

²³ Bruce G. (Ed.). 1858. *Calendar of State Papers. Domestic series [during the Commonwealth]*. 1652-1653. London. P. 203; Du Mont J. (Ed.). 1728. *Corps Universelle diplomatique*. Amsterdam. T. VI. Pt. II. P. 121-124.

²⁴ *Calendar of State Papers*. 1652-1653. P. 347, 356, 358.

²⁵ *SP Thurloe*. III. P. 305, 309, 659.

но опасался за успех этой миссии, хотя маркиз не был уполномочен уступить претензиям Кромвеля в Америке (Venning 1995: 91–101). 3 июня французский министр в Лондоне Бордо сетовал в письме кардиналу на то, что массовые убийства протестантов дали Кромвелю предлог для затягивания переговоров: «Намерение Протектора и его правительства всегда состояло в том, чтобы лишь развлечь нас и не заключать в конечном итоге альянс: и это видно из того, что Государственный секретарь [Терло – Л.И.] прислал мне сегодня вечером вместо договора, который он обещал отправить..., известие, что его Высочество (Кромвель – Л.И.) сначала пошлёт чрезвычайного министра к королю с письмом в пользу протестантов Савойи, которые страдают от больших гонений...»²⁶. А в двухчасовом разговоре с Джорджем Даунингом в конце августа первый министр Франции заявил, что «больше всего на свете он желает правильного взаимопонимания с Кромвелем», и что «он сделает всё, что в его силах, чтобы доказать это»²⁷. При этом Мазарини подчеркнул, что «урегулирование в Пьемонте произошло благодаря заступничеству его [Даунинга – Л.И.] господина», и что «он обязуется не заключать договор или мир» между Францией и Испанией, «кроме как с его согласия»²⁸.

Как видно, французская сторона демонстрировала большую заинтересованность в союзе, нежели английская, и это Кромвель не мог не учитывать, защищая вальденсов. Внешнеполитические потребности Британии и Франции способствовали заключению в Вестминстере в ноябре 1655 г. мирного и торгового договора (с секретными статьями, содержащими обязательства взаимной финансовой и военной поддержки), а в марте 1657 г. – наступательного союза против Испании. Французский историк Ф. Солнье назвал союз между этими выдающимися политиками – католиком и пуританином – «единством противоположностей» (Saulnier 2002: 233).

Не менее весомым фактором устойчивости британского вектора внешней политики Парижа были позиции Англии среди протестантских государств Европы, защитником и финансовым спонсором которых до и во время Тридцатилетней войны выступала Франция. Во время войны с Испанией и продолжавшегося процесса внутривнутриполитической стабилизации после Фронды французскому государству нельзя было терять свой авторитет среди протестантских княжеств Священной Римской империи и скандинавских стран.

Наконец, Кромвель мог быть уверен в стабильной ориентации Савойи на Францию, от которой, в отличие от проигравшей в Тридцатилетней войне Испании, зависели относительная самостоятельность герцогства и возможность повышения его статуса в формирующейся системе европейских государств.

²⁶ *SP Thurloe*. III. P. 469.

²⁷ *SP Thurloe*. III. P. 734.

²⁸ *Ibid*.

Со второй половины XVII в. глубокие изменения социальной и политической структуры общества, связанные с укреплением государственной власти, протекали в условиях жёсткой конкуренции «дворов и альянсов». Следствием конкуренции стала монархизация (получение королевского титула) или, если использовать латинский эквивалент, регализация европейских правителей. По сути, она была частью отмечаемого в литературе другого процесса большой значимости этого времени – подъёма стремившихся к суверенитету средних и малых государств (Duchhardt 2003: 38; Schnettger 2008: 605-609). В Италии борьба за корону началась уже в эпоху Тридцатилетней войны, когда в 1632 г. герцог Савойский Витторио Амедео I безуспешно посягнул на королевское достоинство. Но только в начале XVIII столетия Савойский дом наряду с Ганноверами и Гогенцоллернами оденется в королевский пурпур, но уже при поддержке Великобритании (Symcox 1983: 71-78).

Заключение

Таким образом, нельзя сказать, что Кромвель отказывался от всех государственных соображений ради савойских вальденсов. Прекрасно осведомлённый о сложной внутривнутриполитической ситуации во Франции и приоритетах французской внешней политики, он был уверен, что Мазарини вряд ли «отменит» необходимый Парижу союз с Лондоном против Испании из-за поддержки протестантских подданных Савойского герцога. Вмешательство в дела Савойи-Пьемонта можно рассматривать в не совсем выгодном для английского государства свете лишь в финансовом отношении – из-за содержания специальных посольств, флота в Средиземном море и создания Фонда помощи вальденсам. Между тем, именно англо-французский союз, фактически усиливший через несколько лет гегемонию Франции на континенте, в перспективе можно считать просчётом Кромвеля.

Внешняя политика Протектората Кромвеля в Савоие демонстрирует один из наиболее значимых прецедентов применения гуманитарных принципов к международным отношениям. Вмешательство в дела других стран с целью остановить массовые зверства и тиранию имеет длинную родословную, восходящую к истокам международной системы государств. К середине XVII в. в политической и религиозной мысли Европы оно стало обосновываться светскими аргументами и трактоваться в гуманитарном смысле, как право и обязанность, принадлежащие человеческому обществу. В то время Англия стала первым государством, которое добилось успеха в реализации своей политики, официально используя подобный язык в дипломатии. Не стоит думать, что Оливер Кромвель при этом ущемлял интересы собственной страны. Поддержка преследуемых вальденсов, несмотря на финансовые издержки, напротив, показала силу и авторитет Английского государства. Гуманитарная дипломатия и по сей день в подавляющем большинстве случаев тесно взаимосвязана с государственным интересом.

Об авторе:

Людмила Ивановна Ивонина – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Смоленского государственного университета. 214000, г. Смоленск, ул. Пржевальского, 4. E-mail: ivonins@rambler.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

UDC: 94(420)"16"+327.82+283

Received: January 12, 2023

Accepted: February 20, 2023

The “State Interest” and Humanitarian Diplomacy of Oliver Cromwell

L.I. Ivonina

[DOI 10.24833/2071-8160-2023-1-88-7-28](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2023-1-88-7-28)

Smolensk State University

Abstract: The 16th–first half of the 17th century was a vital period for the emergence of international law, sovereignty, and the modern international system. European sovereigns also started considering at that time what today would be termed humanitarian issues in foreign policy. They relied in this mostly on the contemporary theological thought and the nascent “Law of Nations,” which fostered a discourse opposing the extremes of government (tyranny). The article analyzes one of the most vivid examples of such humanitarian foreign policy – foreign intervention by the Lord Protector of the English Republic, Oliver Cromwell, in the Duchy of Savoy in 1655 to protect the Waldensian Protestants, who suffered persecution there. Contrary to the modern historiography, the article argues that Cromwell did not abandon all other state considerations in questioning the conclusion of the Anglo-French alliance against Spain to stop the repression against the Waldensians. Cromwell’s humanitarian policy was carried out in line with Realpolitik. Aware of the complicated domestic political situation in France and of the goals of French foreign policy, he was sure that Prime Minister Cardinal Mazarin was unlikely to give up the alliance with London in response to the London’s support of the Protestant subjects of the Duke of Savoy. Cromwellian Foreign Policy in Savoy-Piedmont demonstrates one of the most significant cases of implementing the humanitarian principles in international relations. At the same time, Oliver Cromwell did not infringe upon the interests of his own country. On the contrary, despite the financial costs of maintaining special embassies and a fleet in the Mediterranean and creating the Waldensian Relief Fund, the support of the persecuted in Piedmont demonstrated the strength and authority of the English state.

Keywords: humanitarian diplomacy, Westphalian system, Cromwellian Foreign Policy, Savoyard Waldensians, Anglo-French alliance, the reason of state

About the author:

Lyudmila I. Ivonina – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of General History and International Relations of Smolensk State University. 214000, Smolensk, Przhhevalskogo str., 4. E-mail: ivonins@rambler.ru

Conflict of interest:

The author declares the absence of conflict of interests.

References:

- Adams S. 2002. *Leicester and the Court: Essays on Elizabethan Politics*. Manchester: Manchester University Press. 420 p.
- Ashley M. 1958. *The Greatness of Oliver Cromwell*. New York: Macmillan. 340 p.
- Battick J.F. 1973. Cromwell's Diplomatic Blunder: The Relationship Between the Western Design of 1654–55 and the French Alliance of 1657. *Albion*. 5(4). P. 279–298. DOI: 10.2307/4048253.
- Beer B.L. 1990. John Ponet's Shorte Treatise of Politike Power Reassessed. *Sixteenth Century Journal*. No. 21. P. 373–383.
- Brady C., Ohlmeyer J. 2005. Making Good: New Perspectives on the English in Early Modern Ireland. *British Interventions in Early Modern Ireland*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Bresse J. 2012. *L'Histoire Des Vaudois From Authentic Details of the Valdenses*. Alexandria. 318 p.
- Cameron E. 1984. *Reformation of the Heretics. The Waldenses of the Alps, 1480–1580*. Clarendon Press. 308 p.
- Chesterman S. 2001. *Just War or Just Peace? Humanitarian Intervention and International Law*. Oxford: Oxford University Press. 328 p.
- Close F. 2015. The Emergence of Humanitarian Intervention. Three Centuries of «enforcing humanity». *The Emergence of Humanitarian Intervention. Ideas and Practice from the Nineteenth Century to the Present*. Ed. by F. Close. Cambridge University Press. P. 1–28.
- Cogswell T. 1986. Prelude to R  : the Anglo-French Struggle over La Rochelle, 1624–1627. *History*. 71(231). P. 1–21.
- de Boer D. 2021. Strategies of Transnational Identification: Images of the 1655 Massacre of the Waldensians in the Dutch Press. *Revolts and Political Violence in Early Modern Imagery*. Leiden: Brill. P. 94–114.
- Firth C. H. 1953. *Oliver Cromwell and the Rule of the Puritans in England*. London: Oxford University Press. 316 p.
- Fraser A. 1997. *Cromwell: Our Chief of Men*. Weidenfeld and Nicolson. 774 p.
- Gardiner S.R. 1965. *History of the Commonwealth and Protectorate 1659–1660*. Vol. IV. New York: AMS Press. 426 p.
- Gay T. 1912. *Histoire des Vaudois*. Florence: Imprimerie Claudienne. 430 p.
- Gelderens M. van. 1992. *The Political Thought of the Dutch Revolt 1555–1590*. Cambridge: Cambridge University Press. 348 p.
- Hainsworth R. 1997. *The Swordsmen in Power: War and Politics under the English Republic 1649–1660*. Stroud: Sutton. 291 p.

Heraclides A. and Dialla A. 2017. The Origin of the idea of Humanitarian Intervention. Just War and against Tyranny in Humanitarian Intervention in the Long 19th Century. *Humanitarian Intervention in the Long 19th Century*. Manchester University Press. DOI: 10.7765/9781526125125.00008

Katz D.S. 1994. *Jews in the History of England*. Oxford. 462 p.

Korr Charles P. 1975. *Cromwell and the New Model Foreign Policy: England's Policy Toward France, 1649–1658*. Berkeley: University of California Press. 282 p.

McKeiver Ph. 2007. *A New History of Cromwell's Irish Campaign*. Sydney: Advance Press. 224 p.

Pincus Steven C.A. 1996. *Protestantism and Patriotism: Ideologies and the Making of English Foreign Policy, 1650–1668*. Cambridge: Cambridge University Press. 506 p.

Reeve L.J. 1979. *Parliaments and English Politics. 1621–1629*. Oxford: Oxford University Press, 1979. 453 p.

Saulnier F. 2002. Cromwell et Mazarin ou l'alliance des contraires, 1655–1658. *Revue d'histoire diplomatique*. N 3. P. 249–250. (In French).

Scott J. 2000. *England's Troubles: Seventeenth-Century English Political Instability in European Context*. Cambridge: Cambridge University Press. 560 p.

Simms B., Trim D.J.B. 2011. *Humanitarian Intervention: A History*. Cambridge University Press. 404 p.

Smith David L. D. 2014. Diplomacy and the Religious Question: Mazarin, Cromwell and the treaties of 1655 and 16571. *E-rea*, (11.2) DOI: 10.4000/erea.3745.

Stephens Pr. 1998. *The Waldensian Story: A Study in Faith, Intolerance and Survival*. Lewes: Book Guild. 375 p.

Svendsen K. 1965. Milton's Sonnet on the Massacre in Piedmont. *The Shakespeare Association Bulletin*. Vol 20. No 4. Oxford University Press. P. 70–72.

Symcox G. 1983. *Victor Amadeus II. Absolutism in the Savoyard State (1675–1730)*. London: Thames and Hudson. 272 p.

Tourn G. 1980. *The Waldensians: The First 800 Years*. Turin: Claudiana. 244 p.

Venning T. 1995. *Cromwellian Foreign Policy*. London: Palgrave Macmillan. 338 p.

Willis W. 1895. *Oliver Cromwell and the Vaudois, a lecture*. London. 31 p.

Yardeni M. 1985. French Calvinist Political Thought, 1534–1715. *International Calvinism 1541–1715*. Ed. Menna Prestwich. Oxford: Clarendon Press. P. 317–324.

Barbro L. 1994. *Italienische Waldenser und das protestantische Deutschland 1655 bis 1989*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht. 338 p. (In German)

Daussy H. 2002. *Les huguenots et le roi: le combat politique de Philippe Duplessis-Mornay, 1572–1600*. Geneva: Droz. 494 p. (In French).

Duchhardt H. 2003. *Europa am Vorabend der Moderne 1650–1800*. Stuttgart: Verlag Eugen Ulmer. 464 s. (In German).

Schilling H. 2007. *Konfessionalisierung und Staatsbildung. Internationale Beziehungen 1559–1660*. Paderborn: Ferdinand Schöningh. 684 S. (In German).

Schnettger M. 2008. Kleinstaaten in der Früher Neuzeit. *Historische Zeitschrift*. Bd. 286. Hf. 3. S. 130–154. (In German).

Akroyd P. 2021. *Mjateznij vek: ot Jakova I do Slavnoj revoljuzii* [Rebellious Age: From Jacob I to the Glorious Revolution]. Moscow: Kolibri. 640 p. (In Russian)

Gizot F. 1996. *Istorija Anglijskoj revoluzii* [The History of the English Revolution]. Vol. 2. Rostov-na-Donu: «Fenix». 512 p. (In Russian).

Ivonin Yu. and Ivonina L. ed. 2015. *Krisis i tragedija kontinenta. Tridzatiletnjaia voina v so-bitijah I kollektivnoi pamjati Evropi* [Crisis and Tragedy of the Continent. The Thirty Years War in the Events and in the Collective Memory of Europe]. Moscow: TransLit. 556 p. (In Russian).

Ivonina L.I. 2020. Readmissija evreev v Angliju: pozizija Olivera Kromvelja i obchestvennoje mnenije [The Readmission of Jews to England: Oliver Cromwell's Position and Public Opinion]. *Evreji v mirovoj istorii, culture i politike* [Jews in World History, Culture and Politics]. Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij institute iudaiki. P. 132-139. (In Russian).

Koward B. 1997. *Oliver Kromvel* [Oliver Cromwell]. Rostov-na-Donu: «Fenix». 320 p. (In Russian).

Skinner Q. 2018. *Istoki sovremennoj politicheskoi misli. Vol.2.: Epoha Reformacii* [The Foundations of Modern Political Thought: Vol. II: The Age of Reformation]. Moscow: «Delo». 568 p. (In Russian).

Список литературы на русском языке:

Акройд П. 2021. *Мятежный век: от Якова до Славной революции*. Москва: Колибри. 640 с.

Гизо Ф. 1996. *История Английской революции*. Т. 2. Ростов-на-Дону: «Феникс». 512 с.

Ивонин Ю.Е., Ивонина Л.И. ред. 2015. *Кризис и трагедия континента. Тридцатилетняя война в событиях и коллективной памяти Европы*. Москва: ТрансЛит. 556 с.

Ивонина Л.И. 2020. Радмиссия евреев в Англию: позиция Оливера Кромвеля и общественное мнение. *Евреи в мировой истории, культуре и политике*. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский институт иудаики. С. 132-139.

Ковард Б. 1997. *Оливер Кромвель*. Ростов-на-Дону: Феникс. 320 с.

Кондратенко С.Е. 2015. К проблеме тирании и тираноборчества в средневековом политическом дискурсе. *Вестник СПбГУ*. Сер. 6. Вып. 4. С. 56-67.

Скиннер К. 2018. *Истоки современной политической мысли. Т. 2.: Эпоха Реформации*. Москва: Изд-во «Дело». 568 с.